

Тверское Болдино Петра Проскурина

«...Тихий и светлый ключ, выбиваясь на поверхность, чуть шевелил чистый песок. Присмотревшись, можно было увидеть подвижные, живоносно-затейливые струйки песка на дне небольшой колдобинки – здесь, среди болот и мореновых взлобков, брала начало Волга, песенная колыбель многих племен и народов земли, их кормилица и поилица, баюкавшая и растившая на своих берегах их удаль и волю, стремительный и широкий, раздольный характер, не раз затем сказывавшийся губительной уступчивостью, незлобливостью, а то и откровенной слабостью и вновь перераставший в неудержимую тягу к вольным пространствам, к неизведанным далям и берегам древних океанов.

Именно здесь, в глухом болотистом месте, по-детски прозрачный ключик и являл собой вечную силу земли – здесь таилась сама душа Волги, и зримо являлась она только в строго означенные сроки, перед самыми главными трагическими свершениями. И всегда в одном образе – в светлом лице ребёнка, возникшем и в самом родничке, и в небе над ним в предвестии земных потрясений и смещений, когда предстояли разломы самой жизни. Узреть пророческий лик было дано лишь чистым сердцам, странникам русской судьбы...»

Таким и увидел начало, зачин своего последнего романа «Число зверя», опубликованного при жизни писателя, его автор – Пётр Проскурин.

Хорошо, в мельчайших подробностях помню жаркий, нескончаемый день, затерявшийся в вольно раскинувшихся тверских просторах – день истока Волги. День истока Волги – храмовый праздник Тверской земли, свято празднуемый ежегодно 29 мая.

Мы на истоке Волги с Петром, и с нашим тверским другом и Владимиром Исаковым, главным редактором газеты «Тверские ведомости», замечательным историческим писателем, знатоком тверских летописей, глубоким, несуетным человеком.

Вокруг море людей, несмотря на жару и долгую дорогу сюда, к истоку Волги. Отгороженный мостками и ещё какой-то лёгкой изящной городьбой, на мшистом болотистом покрытии, ничем, абсолютно ничем не примечательный бугорок с вспухающим над ним время от времени крохотным фонтанчиком болотистой прозрачно-ржавой воды. И это исток Волги? Легендарной русской реки?

Да, и этот крошечный фонтанчик каждый год освящают иерархи высшего тверского духовенства во главе с епископом его преосвященством отцом Виктором Тверским и Кашинским. Да, это к нему, истоку великой реки идут и едут потоки паломников со всей страны.

А потом был долгий жаркий день и тихий вечер на озере Селигер, прихотливо раскинувшим свою огромную молочно-розовую раковину на многие километры. Розовая от заката теплая волна лениво набегала на песок, тоже бело-розовый от лучей заходящего солнца; горьковато пахло дымком от костра, где закипала на треноге знаменитая четверная тверская уха и шипели на широкой сковородке ватрушки с творогом, готовился обжигающий чай со знаменитым тверским бальзамом из скольких-то десятков, до полсотни (!) трав.

Забуть этот день невозможно; он оставил ощущение праздничности, светлой лёгкости бытия, и это ощущение шло, конечно, от вспухавшего время от времени прозрачного бугорка воды, называемого горделиво: «Исток Волги», и от

дурманных голову тверских трав, от нагретой солнцем земли, древней тверской земли, соперничавшей когда-то с Москвой за первенство среди русских княжеств. Крепнущая русская государственность в муках рождала своего лидера.

Северная холодноватая Тверь первая установила в память о Проскурине памятную доску на доме № 1 "Г" по Свободному переулку, где жили мои родители Рустам Константинович Агишев и Серафима Клавдиевна Плисецкая, в скромной трёхкомнатной квартире обычной девятиэтажки на третьем этаже, которую и завещали мне по маминой дарственной.

Значение этого скромного деяния в жизни нашей семьи и, особенно, Петра трудно переоценить. Конечно, сказать, что последние свои семь перестроечных лет Проскурин прожил безвыездно в Твери, в этой квартире, было бы сильным преувеличением. Семья жила в Москве, и Проскурин жил с семьёй в Москве. Но эти семь лет пришлось на самые черные, самые подлые перестроечные годы, когда неделями молчал телефон, когда kloкочущий гражданский темперамент Проскурина оказался не востребовавшимся, так же, как и его книги. Оставалась семья, немногие друзья, оставалась работа. В Тверь Проскурин приезжал работать.

Страна сорвалась с оси, и каждый, живущий в ней, находился в глубоком депрессивном шоке. Тверь казалась тогда убежищем, тихой пристанью с её замедленными, вяло текущими процессами, здесь можно было укрыться от враждующих стихий, бушующих в столице, и работать. Что он и делал. Писал, как одержимый. Отойдет от стола, сорвется на день-два в Москву, ну, на неделю, – и назад, в Тверь, в тихий Свободный переулок. Проскурин физически ощущал зияющую пустоту за спиной, убывающее, утекающее время.

Работал ежедневно с 9 часов 30 минут до 4-х часов дня с перерывом на обед. И так на протяжении всей жизни, изо дня в день. В тот момент эта каторжная привычка трудиться, несмотря ни на что, удержала его ум и душу от безумия, которое подступало тогда ко многим.

Из-под его пера за эти семь лет вышло колоссальное количество прозы. Здесь, в тихой Твери, был целиком задуман и написан один из самых взрывных и дерзких по замыслу его романов о конце эпохи Брежнева «Число зверя», который Юрий Бондарев назвал «прорывом русской прозы в XXI век». Были написаны три сборника повестей и рассказов: «Аз воздам, Господи!», «Мужчины белых ночей», «Огненный ангел». Все они были опубликованы в «Роман – газете» и вышли в однотомнике «Избранное» в издательстве ИТРК в 2004.

Была в основном написана и закончена 2-ая книга романа «Седьмая стража» Первая книга этого многопланового произведения была опубликована в «Роман-газете» № 6 за 1997 год. Отдельным изданием до сих пор не вышла, лежит в семейном архиве, также, как и вторая книга этого романа с несчастливой судьбой.

Пётр всегда работал над несколькими вещами, между крупными многоплановыми произведениями он потихоньку, не торопясь писал вторую книгу автобиографического романа «Порог любви», которую в рукописи он назвал «На грани веков», и которую он, слава Богу, успел в основном закончить до своего ухода. Ведь он не думал умирать, был полон сил и планов, ушел от нас скоропостижно.

Первая книга автобиографического романа «Порог любви», который и сегодня читается с неослабевающим интересом, в конце 80-ых годов прошлого столетия был бестселлером и выдержал подряд до девяти переизданий.

Уже после смерти Петра Лукича по дневникам, по незаконченной рукописи я подготовила к публикации 2-ую книгу романа «Порог любви» – «На грани веков». Она вышла сначала в журнале «Московский вестник» № 6 за 2004 год, затем в «Роман-газете» № 22 за 2005 год.

«На грани веков» – исповедь огромного мужества и великого прозрения. Она хорошо была принята в профессиональных литературных кругах; до широкого читателя, конечно, не дошла; у него, нашего замечательного читателя, теперь другие ориентиры и другие кумиры. Поэтому читают друг друга сейчас только профессионалы, и то разделенные разного рода перегородками и неприятием.

Каждая глава этой исповеди выстрадана трагизмом одиночества последних лет писателя, и я бы ещё ужесточила эту мысль – драмой всей его жизни, связанной с отцом. Эта глубочайшая трещина, крест, который он пронёс с достоинством, не жалуясь, ни с кем не делясь и не озлобляясь, лишил его образования (он успел закончить всего шесть классов средней школы), гражданского статуса, гражданского равенства со сверстниками, отбросил сильного одарённого красивого подростка в парии, в отверженные.

Семья Проскуриных вплоть до поездки Петра после армии на Камчатку по вербовке, на заработки, жила в крайней тесноте и бедности в выстроенной руками семнадцатилетнего юноши халупе.

Когда я готовила к публикации эту рукопись, которую он успел в основном закончить и которая разрубила, наконец, многие жгуче наболевшие вопросы его биографии (в советские времена эта публикация была невозможна); слёзы кипели на моих глазах. «За что, – думала я, – этого самородка, «божьей дудку», ни в чем не виноватого и ничем не запятнанного юного человека постигли такие муки, зачем с таким трудом, через такие тернии он получил право писать и печататься, когда другие его сверстники и единомышленники играючи, легко и безболезненно проходили одну за другой ступени к успеху и признанию?»

«Она его за муки полюбила». Да, за муки! И полюбила нерассуждающей нечеловеческой любовью...

...И всё вышеперечисленное сумасшедшее количество прозы, не считая публицистики («Правда», «Завтра», «Советская Россия», «Литературная Россия», «Патриот») и стихов, которые он писал до последних недель своей жизни, написано в Твери.

Забавна история написания стихотворения «Отрок». Последнюю зиму жизни Петра с нами в Твери жил наш ангел, любимый внук Славик. Он ходил в старинный, ещё советского образца, тверской детский садик № 153 на улице Староворобьёвской. Это была настоящая «империя детства», окруженная густым просторным фруктовым садом, который был посажен руками самих работников детского садика на месте пустыря. Заведующая этого замечательного учреждения была, я бы сказала, великая и скромная русская женщина, вечная труженица и воительница с сильным характером и огромной всепоглощающей любовью к детям – Лариса Константиновна Иванова.

В Твери на самых разных участках жизни живут и работают замечательные люди, герои нашего «окаянного» времени. Не так давно ушедший «комиссар»

музейного дела, генеральный директор объединённых музеев Тверской области Юрий Михайлович Бошняк. Вот уж воистину Господь наделил его светлым разумом, непреклонной волей и умением чувствовать чужую боль.

С его лёгкой руки в Государственном Тверском Литературном музее им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, одного из лучших литературных музеев страны, учреждён фонд Проскурина на основе дарений семьи, с богатейшим собранием всех без исключения прижизненных изданий произведений Проскурина, равного которому нет даже в Российской Государственной библиотеке (бывшей Ленинке)...

...Самые проникновенные строки о творчестве Проскурина написаны Петром Аркадьевичем Майданюком, кандидатом филологических наук, заведующим кафедрой журналистики Тверского Государственного университета. Познакомились мы с ним лет тридцать назад в Самарканде, где он, синеглазый и очень молодой, готовил к защите диссертацию по творчеству Проскурина. Защитился он в Москве, с самыми блестящими аттестациями. Самаркандская встреча глубоко запала в душу, сдружила нас на всю жизнь и, когда грянула «перестройка», а потом и распад Союза, и Майданюк буквально погибал в Самаркандском университете в тесных объятиях наших «верных» братьев-узбеков. С помощью замечательного русского патриота, тверичанина, профессора ТГУ, доктора филологических наук Владимира Александровича Юдина, нам с Проскуриным удалось перетащить Майданюка в Тверской госуниверситет под крыло Владимира Юдина на только что созданную кафедру журналистики, которую Майданюк теперь успешно возглавляет.

Майданюка я бы охарактеризовала двумя словами: золотое сердце. Густо заплела седина когда-то буйные светлые кудри, но по-прежнему ярок и прямодушен взгляд синих глаз, подкупающая улыбка.

Сагу о творчестве Проскурина он пишет всю жизнь; один из очень немногих, остался верен осиротевшей семье писателя; всегда рядом в минуту трудную и редкую минуту радости. Живи долго и успешно, дорогой друг, свет наш Пётр Аркадьевич!

А музыковед Татьяна Медведовская и композитор, известный в Тверском крае хормейстер Евгений Медведовский, свыше тридцати лет нерасторжимо связаны с музыкальной культурой песенного Тверского края. За их плечами – прославленный детский хор «Дружба», объехавший все страны Европы. А в жизни – это удивительно прочные, светлые люди, с которыми рядом легко и радостно жить.

...Иван Альфредович Бармин, крупный, громогласный, с детской обезоруживающей улыбкой, предельно ответственный и абсолютно доступный – главный врач областной консультативной поликлиники, ладонь которого, по шутливому выражению самого Бармина будто слеплена по «задку годовалого ребёнка»; творящий чудеса отваги и милосердия в своём хлопотном беспокойном многотрудном хозяйстве, через которое за день, без преувеличения, проходят триста детишек по профосмотру из тверских сел и городишек.

Скромнейший бесребреник и глубочайший знаток своей загадочной непредсказуемой профессии, заведующий неврологическим отделением областной клинической больницы заслуженный врач России Олег Васильевич

Коваленко, в ужасающих условиях безденежья и нескончаемого «капитального» ремонта ставящий на ноги труднейших, запущенных, иногда абсолютно безнадежных больных, привозимых в состоянии комы из самых отдаленных районов области.

А очаровательная, решительная и отважная, безусловный асс своей профессии, умный и вдумчивый хирург онкологического центра Тверской области – Ирина Владимировна Евстигнеева. Скольких Вы спасли, дорогая Ирина Владимировна, скольким подарили надежду, скольких буквально оградили своими талантливymi бережными руками от жестокой болезни.

Спасибо вам, дорогие мои люди, дорогие земляки, что не очерствели, как огромное число ваших московских коллег, которые, забыв стыд и совесть, стали просто разбойниками на большой дороге, грабящими несчастных больных и жирующими на их горе и безысходности. Глубинка держится, не роняет себя, помнит заповеди. Низкий поклон тебе, русская глубинка, на твоих безымянных героях Россия ещё держится.

... В то хмурое октябрьское утро они, дед со внуком, опаздывали в детский сад; Славик слишком долго восседал на своём горшке, бормоча и болтая что-то птичье, бездумное и безмятежное. Пётр, уже давно одетый, прислонившись к косяку двери, терпеливо ждал. Вдруг перестал выбивать дробь по притолоке, скинул куртку, прошёл в кабинет и быстро набросал несколько слов на листке бумаги. Вот уж воистину вспоминается ахматовское «...из какого сора растут стихи, не ведая стыда!» Вот это стихотворение:

Отрок

Явился отрок на пороге дня,
И взор его и светел был и ясен
Рассветный мир улыбкой осеня,
Он возвестил, что Божий мир прекрасен,
Что каждый будет призван и прощен
За подвиг жизни – за любовь и веру
И за слепое равенство сторон
В душе разъятой, призванной к барьеру,
Но каждый с черной метою души
В стремлении слепого разрушенья
Не переступит больше рубежи
Любви и веры, света и прощенья...
Улыбкой тихой утро осеня,
Вновь подтвердив, что подвиг не напрасен
Встал отрок ясный на пороге дня
И возвестил, что Божий мир прекрасен.

Проскурин глубоко связан с Тверью: здесь родные могилы и средоточие творческих интересов, время от времени накрепко соединяющее его с Тверью.

Тверская академическая драма одна из первых в России инсценировала и поставила роман «Имя твое». Пётр очень любил этот роман, поэтому много помогал, и, конечно, не был равнодушен к тому, что получится. А получился очень сильный спектакль. И здесь, и в Брянске, где тоже был инсценирован и

поставлен талантливейшим, совсем молодым Владимиром Голубом спектакль «Имя твое», в котором гениально играл Захара Дерюгина нар. арт. России Валерий Мацапура. Он «переиграл» всех сценических Захаров, каких мы знали. Дерюгин-Мацапура был яростный, бесшабашный, дерзкий, молодой, с сумасшедшинкой в обжигающе синих глазах.

Тверской Захар – нар. арт. России Александр Чуйков был много старше, крепистее, ближе к земле, к корням. В паре с незабываемой Ефросиньей нар. арт. России Наиной Хониной они создали истинно народные, эпические характеры. За постановку «Имени твоего» в Тверской академической драме художественный руководитель театра Вера Ефремова получила Государственную премию РСФСР им. Станиславского.

Разве можно забыть напряженную, какую-то звенящую тишину в зале академического Малого театра, на сцену которого привезли тверичане свой спектакль. Волнение актёров, играющих свой любимый спектакль на легендарной сцене, овеянной тенями прославленных актёрских династий; волнение в зрительном зале, доходящее до истерики. Спасибо Вам, наши дорогие друзья актёры, вы проникновенно донесли замысел автора до сердца каждого сидящего в зрительном зале.

Разве можно забыть нар. арт. России Наину Хонину в спектакле Тверской академической драмы в роли Тамары, ведущую свой смертельный любовный поединок с баловнем судьбы Саней Воробьёвым – нар. арт. России Леонидом Бусиным, который ухватил самую суть этого сложного разрушительного, змеино-обольстительного образа в спектакле «За порогом любви» по повести «Чёрные птицы», инсценированной и поставленной на Малой сцене моей матерью Серафимой Плисецкой, отдавшей тверской академической драме последние двадцать пять лет своей жизни. Спектакль рождался трудно, но получился пронзительным, каким-то летящим и был очень любим и зрителями, и актёрами.

Повесть «Чёрные птицы» – одна из вершин творчества Проскурина, она не устаревает. Существует и телевизионная версия этого произведения, созданная известным телевизионным мэтром Вадимом Зобиным с участием выдающихся артистов нашего времени Олегом Борисовым (Саня), Людмилой Максаковой (Тамара), Александром Феклистовым (Глеб), с неповторимой музыкой композитора Владимира Леденёва....

...Каждая поездка в Тверь обогащала нас с Петром. Это не были обычные родственные побывки, нам всегда было интересно вместе, разговоры, споры, затягивающиеся далеко за полночь. Дом на Свободном переулке был всегда открытым; на огонёк заглядывали после спектакля актёры, художники, журналисты. Теперешний мэтр, профессор филологии Владимир Юдин, в миру тогда просто Володя, часто приносил с собой гармошку, на которой виртуозно играл.

Когда Проскурин вырывался в Тверь, как голодный, набрасывался на работу, всегда что-то писал в папином кабинете в своих тетрадках «по клеточкам», как он называл обычные школьные тетради в клеточку.

Потом родные начали уходить один за другим, сначала бабушка Мариам, затем отец Рустам и, наконец, последняя – мать Серафима. Она больше всех любила Петра и дождалась его, чтобы проститься. На утро умерла. Мама

завещала мне квартиру. Её мы не продали, не сдали, а нашли здесь, как я уже говорила, убежище. Конечно, попасть на слом эпох в самом конце жизни – тяжело. Молодым, кроме всего прочего, это ещё и огромный стимул для самореализации; у сильных одиночек получилось; они стали предпринимателями, банкирами, олигархами «вождями» ослепшего, оглохшего от ужаса народонаселения. Для людей пожилого возраста – катастрофа – попасть в «щель» между эпохами. Уже не осталось сил на освоение новых жизненных обстоятельств.

Тем не менее, в Твери мы прижились. Помню долгие прогулки вдоль Волги; уютный сквер Крылова неподалеку от обелиска Победы. В Твери благодатная аура. В Москве я болею, пропадаю, чувствую себя ужасно; приезжаю сюда – и восстанавливаюсь без всяких лекарств.

Помню нашу поездку в Ржев в последнее лето жизни Петра в июне 2001 года. Ничто не предвещало беды. В это лето, как никогда он был деятелен, энергичен, победителен. Одна поездка следовала за другой: Якутия, Дагестан, Брянщина и вот, наконец, давно задуманная поездка во Ржев – место его армейской службы, с известным тверским журналистом Юрием Буровым.

Это не легенда, что Проскурин служил здесь, во Ржеве в 1952-53 гг. Тогда как раз начинали стоять кольцо противотомной обороны Москвы. Служил у Покрышкина, в гарнизоне; строил казармы, укрепления. Затем окончил сержантскую школу в Калуге и вернулся во Ржев бравым красавцем-старшиной. Здесь, во Ржеве вступил в комсомол и в глубине души очень гордился этим, взятым, наконец, в жизни, таким важным для него барьером.

Став старшиной, он мог время от времени запираться в каптёрке и писать. Первый в своей жизни гонорар он получил в 1953 году здесь, во Ржеве, за опубликованную в окружной военной газете «Красный воин» поэму о лётчиках. На те деньги, астрономические даже по тем далеким временам – что-то около тысячи двухсот рублей, купил пишущую машинку, потому что многие редакции возвращали авторам их ненапечатанные, написанные от руки рукописи. Для него это было важной вехой, самоутверждением, как бы первым шагом в будущую, недоступную для него пока профессию литератора.

Счастье в том, что у нас с ним была одна профессия, одна судьба, одно дыхание, которого хватило на всю жизнь. Нам всегда было интересно друг с другом. Он советовался со мной, прислушивался к моим замечаниям, особенно по женским образам. У нас была яркая, насыщенная жизнь, а сейчас я лишилась всего, всего, передо мной и вокруг меня – пустыня. Мы были самодостаточны, какие –бы враждебные вихри над нами не кружили, всё казалось преодолимым.

Непреодолимой оказалась только зависть. Это наша с Петром верная подруга, она всегда была за плечами и душила нас в своих объятиях до черноты в глазах. До последнего вздоха, когда мы уже оба были очень немолоды, эта завистливая, ненасытная подруга по-прежнему шла за нами по пятам. И враги нам завидовали, и друзья. Заметны ли мы были что ли очень; но люди никак не могли простить нам нашего счастья...

На Камчатке после армии к Проскурину впервые пришло ощущение распахнутости, многоцветности мира; в его творческой биографии это был «клондайковский» период – рыбаки, сплавщики, лесорубы, золотодобытчики, искатели приключений, ловцы удачи... Он много писал, в основном рассказы;

там, на Камчатке, начал писать роман о партизанском сопротивлении и подполье на Брянщине – будущие «Глубокие раны».

По окончании трудового договора с камчатским леспромхозом Проскурин с мешком рукописей по слепому случаю заехал в Хабаровск с товарищем по сплаву погостить на пару дней по дороге к себе домой, в Косицы.

Это было знаком судьбы. В Хабаровске, столице Дальнего Востока, люди всегда ценились, и каждому яркому человеку бывали рады, ему открывалась зелёная улица, его «главный шанс». В то время в Хабаровске опять же по случайному совпадению, литературная жизнь была очень бурной, насыщенной. В Хабаровске начинали свой творческий путь совсем молодые Борис Можаяев, Римма Козакова, Анатолий Ткаченко, Павел Халов, Олег Смирнов. Все они стали знаменитыми писателями впоследствии.

1958 год, Хабаровск, совещание молодых писателей Дальнего Востока. Приехали из Москвы мэтры: Даниил Гранин, Дементьев, который тогда был первым заместителем Твардовского в «Новом мире». Мы с Проскуриным познакомились на этом совещании, куда я не без помощи и протекции отца Рустама Константиновича Агишева, ответственного секретаря журнала «Дальний Восток», прошла со своими первыми, кстати сказать, весьма ещё сырыми рассказами, получившими, как ни странно, положительную оценку.

К тому времени Пётр уже себя плохо чувствовал; давали знать камчатские морозы и ледяное, бешеное течение реки Камчатки на сплаве; он сильно кашлял, застудил лёгкие. Камчатские деньги давно кончились, гонораров было мало, дописывал роман «Глубокие раны» впроголодь. В Хабаровске его, тем не менее, приютили, дали жильё – комнату; почему-то в женском общежитии Хабаровского железнодорожного техникума. Радио в соседней комнате с тонкой дощатой перегородкой никогда не выключалось, и Проскурин возненавидел радио на всю жизнь.

Помню тамбур перед аудиторией хабаровской Высшей партийной школы на углу площади Ленина, в которой должно было состояться обсуждение его романа «Глубокие раны». Стоит Проскурин, бледный, высокий, ужасно худой; жадно курит, одну за другой. Я говорю: «Что вы так волнуетесь? Вы знаете, я почему-то уверена, всё будет хорошо.» – «С чего вы так думаете?» – «Моя мама прочитала ваш роман от начала до конца, всю ночь читала. Ей понравилось.» – «А кто ваша мама?» – «Она работает завлитом в драмтеатре, человек с большим вкусом, знает литературу... И отец читал...»

С Рустамом Константиновичем к тому времени у Петра вышел конфликт. Отец любил помогать молодым, но Пётр Лукич всегда был не очень уживчивым, с жёстким характером. Отец готовил к публикации в журнале «Дальний Восток» два его рассказа «Залом» и «Самородок»; позволил себе сильную правку, а Пётр терпеть не мог чужой правки. Забрал рассказы и ушёл.

...Конечно, на совещании с «Глубокими ранами» он прогремел. Роман был рекомендован к изданию. Вышел в Хабаровском книжном подряд тремя тиражами, по 100 тысяч экземпляров каждый.

Как у начинающего прозаика, к моменту нашей встречи с Проскуриным у меня было написано и опубликовано несколько рассказов. Он меня совершенно подмял; я была так влюблена в прозу Проскурина, что безоговорочно отреклась от своей, раз и навсегда. Переключилась целиком на журналистику. В ту пору я

работала на Дальневосточной студии кинохроники ассистентом режиссёра; объездила весь наш огромный, неповторимый край. Но, как всякий талантливый человек, Пётр Лукич был собственником, все писатели – прежде всего «сундуки», складывают в свой сундук навечно всё нужное и ненужное, и, конечно, уже без всякой отдачи! Со студии кинохроники он меня, конечно, выдернул разными сладкими посулами. Его не устраивали мои командировки и горячая увлеченность интересной творческой работой в замечательном талантливом коллективе, возглавляемым тоже неистовым фанатом своего дела яркой личностью и ярким кинорежиссёром Борисом Сарахатуновым. Уход мой со студии был очень болезненный и мучительный, но выдержать напор Проскурина было не под силу никому.

Он вообще был дерзким. Мог, например, бросить тебя посреди танца в зале и уйти. Неделями не показываться, а потом вдруг явиться в декабре с охапкой рыжих хризантем. Брянские мужчины все такие, шальные, непредсказуемые, бесшабашные. Лично я таких больше нигде не встречала; может быть, причина тому в пограничности края. Может, от Литвы засела в брянском характере такая «железинка» (ведь Брянщина под Литвой была триста лет). Недаром брянские партизаны в Великую Отечественную больше всех трепали немцев; в тылу у немцев под партизанами оставались целые районы с советской властью, с советским флагом над сельсоветом, с севом, с колхозами, районными газетами и советскими праздниками.

Хабаровский край – тоже пограничный, с характерами, будь здоров, какими – и мужским и женскими. Повторяю, ценность каждого человека на Дальнем Востоке всегда велика, потому что народу там не хватает всегда. Проскурин не мог не обратить на себя внимание. Ему обрадовались, дали добро, обогрели, стали печатать. В результате за полтора года на Дальнем Востоке он прошёл в литературе путь, который здесь в европейской части страны, мог бы растянуться на годы, а, возможно, на десятилетия.

Встреча наша была помощью Бога. К своим тридцати четырём годам он уже устал, устал бороться в одиночку с несправедливостями жизни, устал от чудовищных перегрузок, ведь писал он в основном ночами, а в дневное время приходилось зарабатывать на хлеб тяжёлым физическим трудом; устал от бытовой неустроенности; начинал изрядно попивать.

И как-то враз, вдруг все переменялось. Кончилась, наконец, нескончаемая хабаровская зима; по небу понеслись лёгкие пушистые облачка, вскрылся Амур, – весна! После выхода «Глубоких ран», наконец, появились деньги, и Пётр увёз меня к матери Прасковье Яковлевне, в Косицы. Это было переломным моментом в нашей жизни, Петра и моей. И больше мы никогда не расставались.

А. Гвоздева-Проскурина